

Пасхальный звон картин

В Москве открылись сразу две выставки Владимира Шагина – в РГГУ и в Галерее одной работы

Екатерина Барабаш

Питерский художник Владимир Шагин так и не дождался выставки в Москве, она состоялась только через шесть лет после его смерти. Быть может, потому, что Шагин – художник слишком уж питерский, он сам по себе – как ласковый гимн городу, его летописец, его и только его пронзительный, щемящий шансон?

В художественной школе юного Шагина исключили из комсомола за формализм, хотя его преподаватель говорил: «Рисуешь, как Ренуар!» Вероятно, будь Ренуар комсомольцем, его бы тоже исключили. Тогда же Илья Глазунов, учившийся вместе с Шагиным, сказал: «Посмотрим, кто из нас станет хорошим художником, а кто плохим!» На что Шагин ответил: «Жизнь возьмет свое». Но «свое» жизнь не брала долго. Через несколько лет его исключили из Таврического училища – с той же формулировкой. Но нет худа без добра – за тот же формализм его не взяли в армию. «Нам такие художники не нужны», – сказали в военкомате и вручили Шагину белый билет. А еще через несколько лет его осудили как врага народа, несколько лет прошло в страшной психиатрической спецбольнице.

И при всем при том работы Шагина – праздник. Тот праздник, что, несмотря на все ужа-

Владимир Шагин. Алый трамвай, акварель.

мутненно, порой – беззаботно, протягивая с осторожной радостью руки навстречу природе, городу, пышнопопым де-

голову искать красоту в панельной городской застройке, в хрущобах? Если видеть это только как угрюмое нагромождение вневсильных бетонных чудищ – то никому. Но если, глядя на новостройку, ты видишь не серую унылую громадину, а потесненный ею кусочек природы; если среди панельных уродов ты приметишь пеструю толпу на крохотном пяточке катка; если словно для тебя между мрачными домами весело чухает допотопный трамвайчик – значит, надо брать кисть и петь красками

задиристый шансон в честь неприметной красоты. Неподдельность чувств переливается в неподдельность искусства.

Картины Владимира Шагина – как детские колыбельные, в которых и мудрость, и покой, и ласка, и простота. Часто любят говорить «кажущаяся простота», пускаясь потом в долгие объяснения по поводу не сразу схваченной глубины и сложности замысла. Прелесть шагинской живописи в том, что они действительно просты – по замыслу, по исполнению, по той недлинной, но такой

выпуклой гамме чувств, что льется с его картин. Как радуга: всего-то семь цветов, но больше и не надо – все есть, все сказано, все прочувствовано. Именно этой подлинностью, накатом высшего качества Шагин всегда был неприемлем для официоза, всегда четко знающего границы дозволенных радостей.

Радостный художник Владимир Шагин умер в самую радостную ночь в году – пасхальную. Наверное, ни в какую другую ночь жизнь такого художника закончиться не могла. ■

Шагина выгнали из комсомола за формализм

сы жизни, остался у него в душе, Шагин бесконечно претворяет в живопись. Он смотрит на мир по-детски наивно, неза-

вучкам. Он первым сумел увидеть смысл и красоту в том, что другие давно и навсегда нарекли уродством. Кому придет в

Шагин Владимир
(Питерск. художник)

7404105